

БАЛЛАДА О СВИНЬЯХ

*«Две свиньи, прорвавшись на взлётную полосу,
стали причиной гибели военного самолета».*

Сообщение по радио.

Как жаль, что им цветов не принесут.
Простые свиньи, всё-таки.... Но вот,
На взлётную прорвавшись полосу,
Угробили военный самолёт!

Последней мыслью было этих двух
(назвать их «свиньями» не в силах я, друзья):
«Зато не фарш!» – и испустили дух,
С улыбочкой в историю скользят.

... Красивый ангел гладил их рукой,
Оркестр небесный громко грянул туш,
Когда они летели в мир иной,
Подрагивая
Хвостиками
Душ...

Идиот

И в насквозь продрогшем мире,
Где всё время льёт и льёт,
Врёт, что дважды два – четыре,
Мне какой-то идиот.

Не летают в небе птицы.
Не летает самолёт.
Хлябь небесная струится
И по крышам дробью бьёт.

Что рубаху рвать у шеи? –
Идиот – ни дать, ни взять.
Скажут все, кто похитрее:
Дважды два, конечно, пять.

Что орать? Промок до нитки.
Горло изодрал до дыр.
Нет бы юркнуть, как улитки,
В липкий мир своих квартир.

(Пережили динозавров,
Да и нас переживут.
Только усиками плавно
На прощание качнут).

Из окна, открыв пошире,
На него смотрю, как зверь:
Если дважды два – четыре,
Как мне с этим жить теперь?..

* * *

Вал информации, как яд,
Сочится с башен телевышек.

Мой мозг меж двух ушей распят.
Души уже совсем не слышит.

Душа, сама меня найди!
Устал играть с тобою в прятки.
...Пока искал её в груди,
Она давно забилась в пятки.

И из глубин прошедших лет,
Прошитых радостью и болью,
Протягивает чёрный хлеб,
Слегка посыпав белой солью.

* * *

Рождаются дети, и планы, и строчки,
Делаю самым срочным не видно конца.
На всём вот на этом поставит вдруг точку
(всего девять граммов!) кусочек свинца.

А, может, левее? Иль капельку вправо?
Чтоб дети опять обнимали отца.
...Придумали люди лихую забаву –
Дырявить свинцом друг у друга сердца.

В бою, как в рулетке, тут «чёт» или «нечет»,
Живой или нет, как кому повезёт.
А кто-то свинцом и судьбу свою лечит:
Приставил к виску и – не стало хлопот.

...Назвали же – «плюмбум».
Чуть примеси цинка.
Забой, переплавка, с конвейера – и в бой.
Так хочется плюнуть, но сразу заминка, –
А вдруг мой плевок
станет чьей-то судьбой?

Наваждение

*«... я забыла твой голос»
(строчка из письма)*

Ты забудешь мой голос, но –
Свет от лампы качнётся вдруг.
Я ломиться в твоё окно
Буду лапами белых вьюг.

Старой болью – колючий снег,
Шапку об пол – в метельный пляс!..
Ты на вымороженном окне
Различишь мой неясный анфас.

Будешь долго смотреть, потеплей
Завернувшись в пушистый плед,
Как залижет мороз на стекле
Моего дыхания след.

* * *

Слепые от рожденья – видят сны.
Удивлены?.. И я вот озадачен.
Колбасит мысль, как загнанную клячу,
Впряжённую в распутицу весны.
Слепые!
От рожденья!
Видят сны?..

Вершина эволюции – наш мозг.
Мутаций разных страннные итоги.
А, может, сновиденья – телемост?
Так с нами разговаривают боги?
А, впрочем, может, он расскажет мне?
Я у слепого попросил ответа:
«Скажите, как вы видите во сне?
И ваши сны, они какого цвета?».

Лицо, как маска. В нём эмоций нет.
И мимика отсутствует вчистую.
Спокойно так: «А что такое цвет?
И как я вам об этом растолкую?».

Глядел я уходящему вослед...
Он гордо шёл, свой лик подняв повыше.
Там – бог слепых. Он, верно, тоже слеп,
Но всё про всех всегда, конечно, слышит.

Глотал я горько-кислую слюну,
Чтоб рот закрыть нелепейшей обиде:
Когда и где, и как я не усну,
Мне дивных снов слепых, увы, не видеть.

* * *

Полумрак-полусвет,
полустрасть суетливых объятий.
И на тумбочке склянка мерцала,
пустая на треть.
Два больных человека,
закрывшись в больничной палате,
Торопливо сплетаясь,
пытались друг друга согреть.

Несмотря на диагноз,
забыли в ту ночь ненароком,
Про суровый режим.
И не мне быть над ними судьёй,
Если мир из больничных,
засиженных мухами окон
Так беспечно, безмерно, безумно –
без них – молодой!

И потом никогда не жалели
нечаянной ночи,
Что украли они
у пропахших лекарствами стен,
У старушки-сиделки,
что вечно ворчит и хлопочет,
У всего, что зовётся
коротеньким именем «плен».

И не надо, друзья,
мне сейчас говорить о морали, –
Я поставил бы памятник
этим отважным больным...
В ту весеннюю ночь две судьбы
так беспечно летали,
Что завидовал им всемогущий
«Постельный режим».

Спектакль в колонии

Меж казёнными платьями,
серой массой стеснённые,
Мельтешат надзиратели,
прикрываясь погонами.
Как семян у подсолнушка –
в зале некуда сунуться.
В роли сказочной Золушки
молодая преступница.
Позабыв в одночасье
вертухаев с темницею,
Вся сияя от счастья,
шла к влюблённому принцу.
Всё на свете кончается,
и спектакль окончился.
Как в барак возвращаться ей
с этой сцены не хочется.
...Там потом, как лабазники,
развесёлая братия! –
К ней под платье залазили,
хохоча, надзиратели.

Всё хихикала приторно, не пытаясь отбиться...
Эту ночь не простит она.
Непришедшему.
Принцу.